

Проект издательского дома “Эпоха”

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ДАГЕСТАН

Махмуд из Кахабросо

ЛИРИКА

НА РУССКОМ И АВАРСКОМ ЯЗЫКАХ

Литературный Дагестан

Махмуд из Кахабросо
Махмуд из Кахабросо
**Лирика. На русском
и аварском языках**

«Эпоха»

2009

Махмуд из Кахабросо М.

Лирика. На русском и аварском языках / М. Махмуд из
Кахабросо — «Эпоха», 2009 — (Литературный Дагестан)

Сборник стихов аварского поэта Махмуда из Кахабросо

Содержание

Бунтарь духа	6
Рокьян кьерилал, кьалан гЮлилал	11
Мое поражение	16
Шагьру шагІбан тІагІун, тІаде моцІалъул	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Махмуд из Кахабросо

Лирика

ХIасрат цIикIкIарасе цар щолебани,
Щер гIадин дуниял дир букIинаан.
ЦIикIкIун хиял лъурав ханлъулевани,
Халкъальул ихтияр дихъе щвелаан.

Если б люди прославляли сильную страсть,
Я бы стоял над землею могучим владыкой,
Утвердил бы над миром я царскую власть,
Если б мир трепетал пред любовью великой.

Бунтарь духа

Махмуд из Кахабросо в течение тридцати двух лет – с 1887 по 1919 год – создавал неувядающие, нестареющие, бес смертные произведения. Как поэт он снискал всеобщее признание и славу, о которой мечтает каждая творческая личность. В то же время он поднял национальную художественную культуру на такой высокий уровень, что его поэзия до сих пор остается недостижимым образцом совершенства и художественности. Он продолжатель и обновитель вековых художественных традиций народа.

Механизм творческого процесса, характерный для национального литературного развития аварцев, достаточно емко раскрыл профессор Л.И. Жирков: «Раз появившись, удачная песня передается не только устным путем. Она является обыкновенно довольно длинным произведением. Она в буквальном смысле пишется уже самим автором, переписывается его друзьями, в записанном виде идет в другие аулы, в соседние округа. Ее обыкновенно на какой-нибудь из известных мотивов поют, и как есть известные поэты, так есть там и известные музыканты-композиторы».¹ В этом ключе, по такой технологии творил и Махмуд. Место его в культурной жизни общества можно сравнить с деятельностью бардов в настоящее время. Он был и автором произведения, и его исполнителем, аранжировщиком известных мелодий, порою и автором музыки. Его поэзия была звучащей, так она бытовала, функционировала, хранилась и представляла собой песенную поэзию.

В большей степени для творчества Махмуда характерен профессионализм. Он записывал свои произведения, работал над текстом, готовое произведение исполнял сам и отдавал для исполнения известным и заслуживающим, по его мнению этого, певцам в Аварии.

Однажды, будучи в гостях у кунака Магомедали в селении Инхо, он целую ночь в кунацкой провел за работой. Когда утром хозяин спросил, как ему спалось, он ответил: «Всю ночь писал стихотворение «Мать и дочь». Никак не удавалось, чтобы в споре победила дочь, мать все время брала верх, ее доводы казались более убедительными. Но мне все же удалось убедить мать в правоте дочери».² Большинство стихотворений Махмуда сюжетны, в них развернутая композиция, объем их колеблется от 150 до 300 стихотворных строк. Такие произведения, как бы сильны ни были творческая одаренность и память, за один присест написать, тем более сымпровизировать невозможно, они требовали сосредоточенной и целенаправленной работы. Он и работал в этом ключе, писал стихи, об этом он многократно говорил. Сколько им было создано произведений за свою творческую жизнь – это мог знать лишь сам поэт, до нас дошло семьдесят девять его оригинальных произведений. Объем дошедшего до нас поэтического творчества Махмуда в несколько раз превышает сохранившееся творческое наследие любого из аварских поэтов XVIII–XIX веков.

По произведениям Махмуда, по его высказываниям о поэзии и поэтах можно судить о том, что он от природы был наделен развитым эстетическим чувством и вкусом. У него было свое понимание природы таланта, вдохновения, творческой работы, мастерства, действенности поэзии.

На вопрос Тайгиба из Инквалиты, много ли приходится думать, сочиняя стихи, Махмуд ответил: «Нет, не приходится. Когда на несколько дней закрываешь коз в кошаре и когда их голодных выпускаешь на волю, они бегут, перепрыгивая друг через друга. Так и слова. Они в моем сердце, в памяти, на ус тах, они, тесня, опережая друг друга, требуют, просятся в стихи.

¹ Жирков Л.И. Старая и новая аварская песня. С. 25.

² Рассказы о Махмуде. С. 52.

Какой толк от стихов, если долго их приходится вышивать».³ Стихи Махмуда текли свободно, журча, как прозрачные горные родники или ручейки, стремящиеся вдаль.

Писатель Роман Фатуев назвал Махмуда «человеком с вечной любовью в сердце». Да, любовь в ее безответном, драматическом, а зачастую в трагическом проявлении и выражении является приоритетной темой для всей аварской поэзии от ее истоков до конца XIX века. Если бы она была счастливой, то, естественно, не было бы никаких интриг, коллизий, конфликтов, но радостным это прекрасное, возвышенное чувство для влюбленных оказывалось весьма редко. Для это го были основательные общественные, социальные, психологические причины. При заключении брака во внимание в первую очередь бра лось сохранение своего общественного статуса, положения, чистоты рода, приумножение своего со стояния и благополучия. Примеров этому пре достаточно в историческом прошлом народа. Если проследить только за генеалогией хунзахских ханов, возглавлявших крупнейшее государственное образование в Дагестане, то окажется, что они роднились, связывались брачными уза ми с дворами казикумукских, мехтулинских ханов, тарковских шамхалов, аксайских князей, кайтагских уцмиев, табасаранских майсумов, грузинских князей и дворян, тушинских ханов. Национальное, языковое различие не было препятствием на этом пути, на первый план выходили политические, экономические, военные цели и задачи.

Невест из узденской среды в качестве вторых жен они хотя и весьма редко, но брали. Зато их дети относились к второразрядному сословию чанка и при определении престола наследника, разделе наследия они ущемлялись, а порою их и обходили. Выдавать своих дочерей за рядовых узденей не практиковалось, какими бы достоинствами они ни обладали. Хунзахский хан свою дочь заставил простоять в шелковой одежде на вершине горы Акаро за то, что она посмела полюбить ханского табунщика. За ночь девушка превратилась в ледяное изваяние. Это не легенда, а быль. Об этой поражающей воображение жестокости написаны поэма Заида Гаджиева «Голубой экран» и трагедия Абасил Магомедов «Саба Меседо».

Поэзия предшественников Махмуда, поэтов – лириков, также является одной цельной поэмой – исповедью о несчастной, безответной любви. Этой участи не избежали Эльдарилав из Ругуджи, Муртазаали, Этил Али, Амир Али из Телетля, Нурмагомед из Местеруха, Расул и Магомед из Чиркея, Чанка из Батлаича, Магомед из Тлоха, Курбан из Инхело. Махмуд же завершает этот список страдальцев. Если бы не было этой проблемы в общественной жизни и в быту горцев, вряд ли бы поэты так настойчиво, последовательно поднимали ее в своем творчестве, отвлекаясь от других, не менее значимых общественных конфликтов.

Такое положение людей, одержимых страстью и же лающих обзавестись семьей, Махмуду хорошо было известно по своей жизни и по судьбе своих современников. Однажды в Хунзахе поэт, узнав о разводе своего кунака Хасана со своей женой, поучал его: «Ты поступил легкомысленно. Разве ты не знаешь, как трудно бедняку жениться и обзавестись семьей. Когда приходили сватать девушку, ее родня тайно узнавала о площади пашен и лугов жениха, о видимом и невидимом его имуществе. Если это удовлетворяло их, то давали согласие на сватовство».⁴ О любви пели многие, но Махмуд глубоко обнажил ее корни, изобразил ее кипение и бурление в самых разнообразных чувствах, цветах, оттенках. Его поэзия – это философия любви, мир страданий, доставляемых ею.

Обычно всю поэзию Махмуда сводят к личной судьбе, безответной любви к горянке Муминат из соседнего аула Бетль. Если задуматься над жизнью поэта, вникнуть в глубину содержания его произведений, то становится очевидным, что Махмуд о любви писал до знакомства с ней, пи сал и после смерти ее в 1917 году, но это были элегии, по священные ей. А он писал, и выполняя заказы многих влюбленных, одержимых страстью, писал и на другие

³ Рассказы о Махмуде. С. 156.

⁴ Рассказы о Махмуде. Махачкала: Юпитер, 1993.

темы. Его жизнь и поэзия не укладываются в рамки его взаимоотношений с Муи, они гораздо шире, глубже, объемнее их.

Дело в том, что после того, как в народе пошла молва о его страстной любви к замужней женщине, все произведения, созданные поэтом, воспринимались как послания, посвященные именно ей, она стала в сознании народа единственным адресатом всего его творчества.

Также в черно-белом цвете воспринималась сама личность Махмуда, несмотря на то, что он был сложной, порой противоречивой фигурой, не укладывавшейся в общепринятые нормы жизни и поведения.

Правящая верхушка, местная власть, мусульманское духовенство воспринимали его как своего идейного врага и противника, они считали его безнравственной личностью, пренебрегающей общественной моралью, этикой, сбивающей мусульман с пути праведного на путь непризнания законов и заповедей шариата.

Аналитики и комментаторы его творчества под влиянием вульгарного социализма и идейной чистоты искусства относят Махмуда к плеяде революционеров, стремящихся к изменению существующего миропорядка, уклада жизни, общественных отношений.

Каждый из адептов этих взглядов, позиций при желании мог бы их укрепить, доказать тенденциозно подобранными отрывками, строфами, строками, фразами из поэзии Махмуда, фактами из его биографии, что очень наглядно говорит о сложности и неординарности его как человека и поэта. Махмуд пишет о любви, но через эту избранную и дорогую для сердца тему он раскрывает, развертывает богатство жизни современной ему действительности.

Мир поэзии Махмуда богат и многообразен.

Об этом пишет и литературовед Л. Антопольский в сравнительном анализе творчества двух выдающихся аварских поэтов Махмуда и Расула Гамзатова: «Махмуд будто бы романтик. Но он не витает в эмпиреях. В его поэзии бьется и дрожит жизнь. Его стихи резки, смелы, в них немало простонародной грубости. В них есть и народно – амбивалентные образы – возвышенное снижается, заземляется, приходит на родную землю. Возлюбленная может аттестовать любимого «жуком навозным» и «совой», «вороной, полной смрада», и «лягушкой...», но страсть от этого не гаснет, – напротив, вспыхивает сильнее».⁵ В своей докторской диссертации «Проблема генезиса и закономерность формирования аварской дореволюционной литературы», защищенной в Тбилисском университете в 1974 году, на основе исследования большого и разнообразного материала национальной поэзии второй половины XIX века, в том числе и Махмуда, мною сделан вывод, что художественным методом поэзии этого периода является прогрессивный романтизм. Он сформировался в литературе как реакция на поражение горцев в Кавказской войне, восстании 1877 года и усилившийся после этого социальный и классовый гнет трудового народа.

Метод этот зародился, развивался без литературных манифестов, течений, школ, идеологической и литературной борьбы, сам по себе, стихийно, но закономерно. Поэты творили по законам традиций, выработанных развитием национальной литературы, без особого внешнего эстетического и художественного влияния, не задумываясь над тайнами и секретами творческого процесса.

Но когда эта самобытная поэзия была изучена в ее хронологической последовательности и пафосной направленности, оказалось, что она соответствует романтическому мировосприятию и мироотражению, характерным принципам, лежащим в основе этого творческого метода. Эта концепция тогда была воспринята исследователями и признана правильной, хотя в последующих исследованиях о художественном методе национальной литературы эта концепция уже выдавалась как их собственное открытие.

⁵ Антопольский Л. У очага поэзии. М., 1972. С.55.

Махмуд и по своей натуре, и по творческому почерку был ярко выраженным поэтом – романтиком, хотя в последние годы жизни он переходит в своей поэзии на рельсы реалистического изображения действительности. Метод его за висел от особенностей самих жизненных коллизий, к которым он обращался.

Будучи недоволен существующими в его время реалия ми общественной жизни, Махмуд в своей поэзии создает парящий над обыденной действительностью, отрешенный от нее мир любви и высоких порывов. Для строительства чертогов любви Махмуд использует все возвышенное, прекрасное, ценное, редкое, до чего могут додуматься человеческая фантазия и полет человеческой мысли. В этом плане Махмуд был одарен в высшей степени.

Храм любви, созданный им, недоступен простым обывателям, рядовым людям. Этот храм – обитель исключительных героев, одержимых сильной страстью, непокорностью духа, неукротимостью характеров, предпочитающих смерть серому существованию и будничной жизни. Его творчество – это цельная поэма, посвященная влюбленным и их вседвелеющей, всеильной страсти. Через них он создает исключительные характеры и редкие обстоятельства, неповторимые в реальной действительности, контрастно противопоставленные ей.

Основной герой его произведений – «Гашикъ» – безумный от любви. На каждой клетке его организма печать любви и беснование страстей. От этого чувства он теряет рассудок, лишается зрения, он тает, как свеча, горит, как дрова в очаге, высыхает, как родник в знойное лето, любовь тяжела, неизлечима, это болезнь без проявления внешних признаков, симптомов.

Любовь для Махмуда – погоня за несбыточной мечтой, несуществующим идеалом, сам факт горения приносит ему подлинное наслаждение.

Вожделенной мечтой лирического героя поэта была пре красная женщина, наделенная всеми человеческими качествами в высшей степени щедро. Махмуд возвысил ее образ до образа богородицы, райской гурии, королевы среди красавиц, лишеной всяких изъянов. От прототипа, лежавшего в основе художественного образа, она далека, как небо от земли. Так высоко он возвысил женщину гор, тем самым требуя поклонения перед ней, воздаяния почестей, которые она заслужила, ратуя за предоставление подходящего ей, достойного места в общественной и семейной жизни.

В своем творчестве Махмуд разрабатывает традиционную для мировой лирической поэзии тему любви, но его про изведения на эту тему насыщены высокими страстями, накалом огня.

Поэт нашел и соответствующие художественные средства для выражения кипения, клотания человеческих чувств. Лирика его высоко поэтична, насыщена яркими, неповторимыми образами, она полифонична, многоцветна, сверкает всеми цветами радуги.

Поэзия Махмуда стала талисманом любви для всех одержимых страстью. Стихи его вошли в широкий народный обиход и обогатили духовный мир человека. Поэтический мир Махмуда сам по себе является трудно разгадываемым, сложным таинством, подобным волшебству. Поэзия Махмуда – это мир красоты и изящества, гармонии и лада.

Для Махмуда как художника слова характерны необычайный полет фантазии, творческое воображение, свойственные подлинному таланту. Окружающую действительность он воспринимал романтически – в многообразии цветов и оттенков, поэтому изображал ее в соответствующем стиле. Его мысли пронизывали землю, небеса, проникали в космос, образы его были чрезвычайно неожиданны и смелы.

В жизни и творчестве Махмуд, бросив узды, мчался, по его собственному выражению, «хиялазул гьорол гьалагаб чода» – на буйном скакуне ветров мечтаний.

Постоянной, единой, сквозной для всего его творчества является тема любви во всей ее страсти и накале. Тема эта общеинтересная, общезначимая, занимающая видное место во всей мировой литературе. Любовный треугольник присутствует в литературных произведениях самого различного содержания и эпох. Махмуд сумел изобразить это вседвелеющее чело-

веческое чувство во всем его богатстве и многообразии, от его зарождения в душе человека до всеиспепеляющего пламени, сумел передать диалектику любви, в его поэзии чувство любви обнажено до самой глубины.

Поэзии Махмуда характерны неповторимая мелодичность, напевность, музыкальность, которые оказывали неизгладимое впечатление на слушателей и читателей. Стихи его хорошо ложились на музыку, требовали вокального выражения.

Национальные художественные традиции, поэтические средства изобразительности и выразительности он отточил до такого идеального совершенства, что они до сих пор при восходящем развитии поэзии остаются непревзойденным образцом, эталоном для примера и подражания.

Язык его поэзии, его поэтический синтаксис, метафорический строй изящны, отшлифованы, они оказывают чарующее воздействие, лирика его пленяет.

Сиражудин Хайбуллаев

Дир рекЕл ургъалил гъугъалеб гъаракъ
Пирилъун кьвагъдола рукъбазда жаниб;
Жаниб кереналъул кутакаб цІадул
ЦІилазда кваналеб квешаб хъуй буго.

Печаль в моем сердце, гремит ее голос
– Раскаты и вспышки грозы и огня.
От грома и молнии грудь раскололась,
Могучий огонь пожирает меня.

Рокьян кьерилал, кьалан гЮлилал

Рокьян кьерилал, кьалан гЮлилал
Гемерал ратула терелел дида;
Гишкъу-гъавайилан гьал гАдамаца
Падлу биххун буго дунялалъул.

Лълъим цЮлеб къулгАдухъ къоролзабазул
Къапила букЮна, балайилан чЮн;
Чараб бакІ лъачЮго, гъанже ясалги
Гьединан хъвадула хьитал хвезегІан.

Хварав чиясулгІан чанги гьечЮго,
Чорхой рахІаталда хІебтЮн вуго дун,
ХІасрат бергъаразул гьаглъиялдаса
Гьадин цЮнагиян, цІакъго нахъе кьан.

ХъахІилб зоб бихъун балагъ бачІаяй,
ЯчЮн гаргадана дида цо гІадан,
ГЮмру халатаб къун йохун тогеялъ
ТечЮ дирго рокъов, къватІив вахъаян.

– Дур кколариш рокьи,
йокьулариш дун?
Гьедин, гЮдов гІамун,
гІубаларо мун!..

ТЮлго дунялалъул лазат гьабилан,
Бана гарбида къвал, къана каранде.
КъогІи гьабилан, бачун цо квергун,
Кидаго рагІичІел рагІаби къуна:

– Дир гишкъу ккун бугин гІашикъъав дуде,
Мун гІадан ватани, тоге дун гьадин. —
Берзул ишан гьабун гьаб дир ракІ боххи
Гьабунги, дур хІисаб хІалтІизе гьабе.

ХІасраталъ ецІЮлей, цІерлъун чвахулей
Чанги гЮмру буго гАдада инеб.
Дур бицун рукъ къаллъун, къогІлъун дунялгун,
Кьалде рехун йиге дур хиялаца...

Дур бицунеб хабар халат букІани,
Бегъилин абуна элда дицаги.
Гьеб гьорода рекъон гьава хІалтІани,
Гьебги лъикІ бугилан кІалъана дунги.

Дирги гъалагаб черх, чалухал лугбал, —
Чияде гАйибал гЮдор хутАна;
ГПакълу гъечЕб бетЕр, чГобогояб раК, —
ЧУхАрал хиялаз хвана гАдада.

ГПаршалъул камиллъи, курсалъул цИкКин
Цани, бергъинаро гъанже дидаса.
Гьелъул жавабаца жанир рукъбазда,
Рокъл урдуги чВан, Дагъистан ккуна.

Дунги къираласул къагИдаялда
КъватИй эй яккулеб авал ккун чАна,
Гьелъулги гъава-нич гъуригун цадахъ
ХъахИлаб зодихъе боржун букАна.

Гъадаб къоялъ къотІноб къальуда ккараб
КъотИи букИин гуреп, кАлъан вукИинЧю,
РикКАдасан ишан, унеб нухда чан
Чияда лъачГого бальго букАна.

РекЕл гъудулги щун гъеп заманаялъ
Зодихъ гІенеккулеб гІиприт букАна,
ГПакълу-лъай гъикъизе къиралзабилъун
КъватІул жавабалъе жундул гъаруна.

Гъудул данделъулеб, дун гъогъомулеб
Гъаб тЮхил хал гъабун тАде вахана,
тАде гъава цАлеб, цАд бачІунареб
Гъури-бакъ рекъараб раГалда чАна.

ГПадани бераца маГу кколареб
ГПищкъул гъаваялъул бакънал рачана.
КъватИбе росулъе сас раГулареб
Сармил раГал абун, угъдизе лълъвана...

Алжанул гъорохъе хъахГмаккал гАдин,
Хъвалеб бакК хутИчЮ лугбазул гЮдоб,
Давудил гъаркихъе рухАл кинигин,
ХАл ккана рекЕде, тІун бортилилан.

Рагъдаса тАгИинЧю, тЮхдаса инЧю,
тАде щвана гъудул гъагъаб нухдасан,
Над бугеп формаялъ панальун халкъгун,
Хиялго гъечЮго ячІун рещтАна.

Нухде къулун гуреп, тАде йорхулеб
Надагъал лугбазул балагъи гъечЮ;
Къеде юссун гуреп, диде сверулеб
Сабураб черхалъул хасият гуру.

Халкъалда рагIарай ПIунайзатида
ПIищкъуялъ чи чIвалерб чIимих речIчIана:
ЧIухIараб къоялъул къурайшиялда
Къараб бералдасан бичIчIизабуна.

Балагъун дидегун цо гъей кIалъадал,
КIутIун ана гIиприт гIурулъе лъугъун,
Гъорчо кодой босзе квер гъель хапидал,
Хварал жал ратила, жундул лъутана.

Жеги дихъ ялагъун хаган чIун гуреб,
РечIчIараб доб чIимхил халго гъабичIо;
Балерб рогъо гуро, гъарайцин гъечIо,
Цо къвакараб бераль къотIной ккун йиго.

– БукIараб къотIийищ, къараб явлухъищ,
КъотIнов ватаральув речIчIаризе мун?
Гъадин къватIий хутIун хаган йигельул,
Хиялищ гъабураб, анищанги ккун?

ЩобтIа гIерул силъун гIодоб чIараб жо,
ГIадан мун ватидал, гIадлъун гурищ дун?!
Лъараль букIунеб хъаз, бахчараб балкан...
Босун гъорчо буго гъанжеги кодоб!

Гъеб ратIлил тIотIой щиб, тIингъил хохой щиб
Ханасул яс йокъун рокьи ккарав дур?
Къан-квачIалда тIаса тIажу киб араб
ТIохде вахинегIан хиял цIакъав дур?

Дуда бер чIвалаго босана канлъи,
Бачида гIад чIвараб тIенкелилан ккун,
ТIаде йорхулаго тIурана гIакълу,
ТIанхиль гIодоб чIараб гIужрукъ мунилан.

– ГIайиб гъечIо, гъудул, гъедин кканиги! —
Гъадаб къоялъ къотIнов къвакIичIев дунги,
Къвал дуца балаго, нахъегIан къайдал, —
Къадарав хIалихъат вукIинарищ дун!

Дирго рокъосаги къватIиве ахIун,
КъватIазул кепалъе куцарав дуца,
КъотIной вачIаниги, ячIун хадуьгун,
ХвечIого чIайилан чIолей гъечIо мун.

Гъедин рокъиялъул къал гъабурав дун,
Гъудуллъун тейилан, танищ дуцаго?
Гъава сурун бихъун, балай тарав дун,

Гьикъизин дудаго, гуккичищ дуца?

Дур гьурмал гвангъиялъ гваргъан ца рекун,
Щураб кереналда дица шибилеб?
Щобде тегь гдинаб ратлихъ балагъун,
Бахъараб гинал раки лъида калъалеб?

Кючонареб халалъ, херенаб мацалъ,
Хадур гъабе дие дуда аскюб баки,
Бусен хажат гъечго, хули кварицо,
Щутун каранде къан, къвалбайги гела.

– Гаршалъул хободе хинчи гадай дида
Хулараб руз буго гаргазе лъугъун,
Хатал меседилаб мокъокъ кквезеян
Къватул чаларчаялъ чан гъабун буго.

Гъаваялда къункъра, къел ракъанда гъой, —
Данделъун шиб пайда гъеб киялъулго?
Лъел хориниб къоркъол, къап мугрул гансил
Санагат рекъани, къабул йиго дун.

Дир хъахаб каранда квачи къабиллан,
Кин дур хиял лъураб, херлъараб чудук?
Чалухаб гурмадул гъуинлъи цуйзе
Цар квешаб оцхутил хисаб бихъулищ!

Хамагун гаргадун, кертгун васандун
Сардал арав дуца дие шибилеб?
Бокъор хайваналгун хебтун вугев мун,
Хакъ букина дие, ватла гъавуни...

Тюклав дун калъани, гадеги яхъун,
Тпилица вухизе хиял батана,
Хадуб цойги калам дица гъабун,
Гьорчо буго кодоб, речичизе къачан.

Гъанже гъагъалдехун валагъун хадув,
Дунги ахмакъ вукин якъинаб буго.
Нухтаса инаго тохдасан калъай —
Пураб гунар лълъвана гъагъабни дирги.

Нухъица гъекъаял гъал дир беразе,
Азие тохго щай, тюкьо голарищ?
Къаникъ расандаял къадарал лугбал,
Къватир рахъинчгого, рокъор кин чечел?

Тюклав эй йигельуй унев чиясе
Инглис пачаясул чу къваригуна, —

Чархида кколареб бал гьечІеб гІаштІи
Гемемер букІунаан кІалтІа лъун гьелъул.

Гьединан кІалъазе элда батІаго
ТІокІ гьабун бижараб бугищ щибго жо?
Щибал руччабазул рижи цолъидал, —
Цойгиги йосила метерго гьудул.

Гьагьаб гьунарги лълъун, гьоркъе рещІана,
ТІохтІе вахарасде зоб тІегийилан;
ТІокІаб йокъулейгун рокьи гьабун,
Рукьбал ракъвагиян, рокъой вильлъана.

Рокъул ургъелазда къалул чадир чІван,
Черхалда гьарчал щун, нахъе вуссана;
Дунго къараб бахчун, бергъараб гьурщун, —
Гьеб гьунар гурилан, гьабуна гьаб кечІ.

Кинаб лъугъаниги, лъугъанщинаб жо,
РекІел гІатІильияль, лъоларо жаниб;
Лъабго къо инегІан къватІиб бицинчІеб
Къаси квараб хинкІги хутІуларо дир.

Мое поражение

Перевод С. Липкина

Средь ровесников вижу притворно влюбленных,
Вижу много отвергнутых и оскорбленных,
На уме у них только свиданье и страсть,
Весь порядок нарушили, чтоб им пропасть!

Обольщая, они обольщаться готовы,
Их влекут к роднику круглобедрые вдовы,
Там и девушек виден заманчивый круг, —
Я туда не хожу, не ищу я подруг:
Только обуви порча да времени трата!
Понял я, наконец, что любовь глуповата,
Мне томленье и страсть опротивели вдруг.

Я подальше держусь от любви, хоть и молод,
Словно в сердце покойника, сумрак и холод
Ныне в сердце моем...

О, пускай упадет,
Пусть раздавит ее голубой небосвод!
Подошла – и вступила в беседу со мною:
«Ты расстался, слыхала я, с негой земною?»
И безумным я сделался с этого дня!
«От любви ты отрекся? Не любишь меня?»

Да не будет ей в радость ее долголетье!
«Без любви разве хочется жить нам на свете?
Лишь любовью, – сказала, – земля мне мила!»
И внезапно и жарко меня обняла.

Обещала, клялась, говорила о встрече,
И меня обольстило ее красноречье:
«Пожалей ты меня, я в тебя влюблена,
Прояви ко мне милость, добро человечье,
Видишь, таю, как лед, ибо в сердце – весна!

Так подай ты мне знак неприметный глазами,
Чтобы мы не словами слились, а сердцами!

Если имя случайно твое назову,
В нашем доме тотчас начинается ссора.
Без тебя, мой любимый, погибну я скоро,
О, поверь, для тебя одного я живу!»
«Я согласен, но будь мне верна, – я ответил, —
Хороша ли погода, укажет нам ветер:

Погляжу, как слова ты исполнишь свои!»

Нрав мой огненный, я сотворен для любви,
Так представьте себе, как душа закипела:
Я пылал, поглощенный любовью всецело.
Горький опыт и прежний обман я забыл:
Я лишился ума, я любил, я любил!

Я пропал от несбыточных гордых мечтаний:
Обещанья любимой и клятвы навек
На меня совершили победный набег, —
Войско стало владычествовать в Дагестане,
Войско сладостных слов разместилось во мне,
Я понес поражение в этой войне.

Вы послушайте, люди, печальную повесть.
В ожиданье подруги стоял я, как шах,
Но она потеряла, обманщица, совесть,
Но она позабыла о жарких речах.

Отказалась подруга от встреч, разговоров,
Только изредка виделись издалека,
Разговоры вели мы при помощи взоров,
Робкий знак подавала порою рука.
В это время ифрит у меня был слугою,
Он подслушивал тайны земли и небес...
Оскорбленный возлюбленною дорогою,
Я, мечтая о встрече, на крышу полез,
Там я место нашел, где струилась прохлада,
Где я знал, что дождя мне бояться не надо.

И слова о любви я запел, что не раз
Исторгали горячие слезы из глаз.
Я вздыхал, еле слышно стихи напевая.
Эти вздохи, познав дуновения рая,

Словно белые голуби, ринулись ввысь,
Нет, как души умерших они вознеслись,
Очарованы пеньем пророка Давида!..
Сердце бьется, из клетки умчаться спеша.
То волнуется, то замирает душа, —
В ней смешались надежда, восторг и обида.

Наконец, появилась, легка и стройна,
Аульчан ослепляя блестящим нарядом.
Вот прошла, проблистала, совсем она рядом,
Но, увы, на меня не взглянула она.
Вот ступает по улице тихо и плавно,
От меня отворачиваясь благонаравно.

О любовь, твой смертельный удар узнаю,
В этот миг отняла ты и сердце, и разум!
Бросил камешек я в чаровницу мою,
Подмигнул чуть заметно прищуренным глазом.
Тонкостанная вдруг оглянулась, и разом
Джинны бросились прочь: этот взгляд их страшит!

В реку спрятался, струсив, мой верный ифрит,
Чуть она, чтобы камень поднять, наклонилась.
На меня посмотрела она – удивилась,
Мол, зачем ты стоишь? Не пойму я никак,
Почему подаешь мне таинственный знак...

Не бранит меня, лишь, возмущаясь притворно,
Говорит свысока: «Разве ты мне жених?
Я ношу твой платок? И тебе не зазорно?
Как, бросаешь ты камешки в женщин чужих?
Моего не поняв удивленного взора,
Ты решил, может быть, что смутил мой покой?
Нет, подумала я: «Кто стоит предо мной?»
Ты сперва показался мне кучкою сора!»

И добавила, камень сжимая в руке:
«Ты – гусак, и смердишь ты в зловонной реке!
С ханской дочерью вздумал ты знаться, отребье,
А на теле твоём только рвань да отрепье,
Мне с тобой, оборванцем, беседовать срам!
Для чего же на крышу взобрался ты смело?
Ты напрасно доверился старым штанам:
Видишь, лопнули, всюду виднеется тело!

На тебя поглядишь, – ужаснешься, дрожа.
Ты свернулся в траве, ты похож на ежа!
Людам встреча с тобою не станет удачей:
Ты похож на попону из шкуры телячьей!»
«Ты права, подбирая такие слова,
Ты не в чем не виновна, дружок, ты права.
Ах, зачем я на улице, в день нашей встречи,
Вдруг поверил, глупец, в твои лживые речи!
Ты права, что ничтожным меня назвала,

Я поверил, когда ты меня обняла,
Что мы любим друг друга, любя, торжествуем.
Ты на улицу нагло меня повела
И на улице стала учить поцелуям!

Ты все время, повсюду гонялась за мной,
Ибо знала, что я отказался от страсти.

Но скажи: разве ты принесла мне покой?
Посмотри: я погиб, я теперь в твоей власти!

От любви я отрекся, от страшного зла,
Почему же, скажи, ты меня подвела?
Как цветок на холме, ты сверкнула нарядом —
И влилась в мое сердце губительным ядом.

Приласкай меня так, чтобы я занемог,
Чтоб тебя захотел я забыть – и не мог!

Для чего нам с тобой препираться без цели?
Ты местечко мне возле себя приготовь.
Не нуждаюсь в перинах, в роскошной постели,
Только жарко к груди ты прижми меня вновь!»

«Я подобна певунье из райского сада,
А со мною сова говорит про любовь!
Прочь, ворона облезлая, полная смрада,
Не преследуй меня, я тебя не боюсь,

Я слышу куропаткою золотоперой!
В небе лебедь белеет, а пес – у забора:
Неужели меж ними возможен союз?

Разве может лягушка с любовью и лаской
Обращаться ко мне – куропатке кавказской?
Старый ворон, да как же посмел ты дерзнуть —
Злые когти вонзить в мою белую грудь?

Жук навозный, повсюду слывающий уродом,
Насладиться решил красоты моей медом!

Для чего ты мне нужен, приятель осла,
Сотрапезник ослицы, родившийся в хлеве!
Заревели бы четвероногие в гневе,
Если б я у животных тебя отняла!»

Хоть одно возраженье пытался я вставить,
Но грозила мне камнем: «Не стой на пути!»
Я хотел с убеждением слово добавить, —
Замахнулась она, чтоб удар нанести.

Коль взгляну на нее после этого сна,
Буду я дураком, вот вам верное слово!

Вправду, с крыши смешно разговаривать с той,
Что на улицах любит пленять красотой!

Пусть глаза мои выключет ворон жестокий, —
Совершил я воистину подвиг высокий!
Разве с крыши с такими ведут разговор?
Им бы только места потемней, закоулки!
Для чего же выходят они на прогулки?
Пусть отсохнет язык мой, погаснет мой взор!

Понял я: лишь такого она бы любила,
Кто считался б знатней короля англичан!
А сама-то, – спросите у всех аульчан, —
Топором обладала, не знавшим точила:
В бедном доме росла...

Посмотрите вокруг, —
Разве краше соседок она и подруг?
Разве чем-нибудь славится в нашем народе?

Одинаковы женщины все по природе:
Я другую такую же завтра найду!

Слез я с крыши и дал себе честное слово:
«Пусть я смерть обрету, пусть я буду в аду,
Если влезу на крышу когда-нибудь снова!»

Я подумал, когда я обратно побрел:
«Вот иду я, избитый камнями осел,
Посрамлен, и оплеван, и сердцем расстроен...
Тот, кто влюбится в женщину, смерти достоин!»

Эту песнь потому сочинил я для вас,
Что считаю зазорным скрывать пораженья.
Лишь победам своим посвящать песнопенья,
Чтобы всюду гремел мой хвастливый рассказ.

Если муж обладает душой откровенной,
Он все тайны свои открывает вселенной...
Не сердитесь, друзья, что я все разболтал, —
На меня за болтливость нельзя обижаться:
Нынче вечером стоит поесть мне хинкал, —
Завтра всем расскажу, не могу удержаться!

Шагъру шагІбан тІагІун, тІаде моцІалъул

Шагъру шагІбан тІагІун, тІаде моцІалъул
ТІоцебесеб сордо бачІараб мехаль,
Будундибирасул истилахІалда
Итниялъ кІалъана кІал кквезейилан.

КІудиял, гІисинал гІадамал рекъон,
Къукъаби къачІана къаси хабаде;
Хваразул рухІалги, заназде рахун,
Росуль ругел махІаз хІал хъун рукІана.

Раки бухІарав хвечІо, хабалъ чи гъечІо,
Хиял гъабун чІана, гъезухъ валагъун;
Гъазул гІид батани, дир бертинилан,
Дунги гІедегІана ГІунайзатихъе.

ГІиса чІаго тезе чІварав ЯшугІил
ШигІраби ахІана, хІал хъоларищан;
ХІабиб хахизе щун, йохун юссарай
Рехсана ХІалимат, хІордеги вахъун.

ХІинкъараб лочнохъе чан щоларилан
Черхалда кІалъана кІудияб хІалалъ;

Кинго рахІман гурес рухІ босуларин,
Божаян гъарана гІинал рекІеда.

Гъороца хъамулеб хъахІаб накІкі гІадин,
ГІодоб хІетІе хъвачІо, хъвана нуцІида;
Щадае хъвадулеб зодил хъухъ гІадин
Дунги вачІанилан йорчІизаюна.

Забру варакъулаб къустІантІин месед
ТІаде йорхулага хвезе вахъана;
Ханас тарих хъвараб хъахІчараб чини
Чорхол рухІ босана бусний угъидал.

Алжанухъ шурулеб шамалъул сагІат,
«Щиб дур къваригІелин» къватІий яхъана,
ТІогъол най хІайранаб хІеренаб мацІаль
ХІайван гІажизлъулел жавабал къуна:

– Къижун гъечІев эмен, йорчІарай эбел,
Авал-къоноялъул къотІун гъечІеб сас,
Къасде регуларел росдал гІадамал,
Сверухъ мадугъалихъ гъабазул хІапи;

ХІал хъубал кьерилал, къалал гІолилал,
Къурун руссун чІарал саяхъалщинал,

Щобда чІвараб байрахъ – чІалгІун ругел ниль,
ЧІвалин хІинкъичІого, вачІун вугев мун;

МугІрул бисалдаса боснов цІодорав
ЦІунун дунгун тарав рагда хъаравул,
Хъергъу бачІунелъул тІанчІи гІадинан,
Дун тІаде яхъани, рахъунел лъимал;

Лъезе бугътан цвани, щибго кІочонел
КІалдиб мацІ борхылал бихьинал, цІуял,
ЦІа-каналъул гвангъи, горда бугеб нур, —
Дуда гъабулеб жо дида лъаларо!

Гъанже дун суризе сабаб гурони,
СанагІат букІинчІищ ниль кІиязулго?
Сардиль вачІу, н унев чиясда лъани,
Лъолел бугътаназул гъабиларищ хал?

– Дирги гъари буго, гъудул, дудехун,
Дидаги бугеб хІал бицине теян;
Цойги ургъел буго дуде бикъизе, —
Бокъани гІин тІаме» бокъичІони чІвай.

ЧІухІараб дур логол хІисабги гъабун,
Сардиль хІорде цвана щушан гІакълугин;

ЩайтІабазул ханас нухдаги витІун,
ПартІан рагда лъуна – лъачІо тІокІаб жо.

Хъулада лъураб кор лъалин къасдеян,
Къвалакъ ккун гІиприталь течІо, вачана;
Чанлъун гІалахалда хвелин мунилан,
Хехго рекІайилан букІинчІо илбис.

Меседил къили лъун къолон жайрангун,
Жундузул бояца цеве къотІана;
КъулгІаялъул кІалтІу тІун агийилан,
ТІаде вахъайилан хъамуна ракІаль.

ХъахГаб маргъалалъул тахида гІурай,
ГІайибги бугоан мунгун кІалъазе,
Зодил хІанчІидаса босной хІеренай,
Мунагъ хъван батила яхъинайидал...

– ХъахІал рагІабаца гІадамал гуккун,

Диде ирга шведал щун ватила мун;
Щиб гурин гъабилеб, вачІа жаниве,
Жемун цо къвалги бан, къалин каранде.

Къадалъ борхъазулги бихъулелъул хІал,
Дунги теларилан батила хиял.

Хабалъги теларин тавбуги гъабун,
Туплис пасажирлъун воржа зодове.

Дур рагІул канпетал рагІана дида,
Полилазе къурал, диеги къолел;
Къурун мун вусигІан юссинин дуде,
Мисри къирар гІадин къадруялда чІа.

Дуца кІал бичІарай йорчІичІин гІадан,
Дунги батІалъи щиб, шулаго чІезе.
Бихъаралъе шукру, щванщиналъе рещ,
Ширван гІала гІелин, гІодове вусса.

ГІанбарул тІогъоде тІинчІаб найилги —
ТІокІаб анищ бугищ абизе дида?
Збелалъ ясан тун, росуль гІей гуреб,
Полилазе къураб къерги дир гъечІо.

Къурабалъе хІинчІлъун чІезе айилан
Инсан кІалъаниги, букІина битІун.
СайхІун-ЖайхІуналъул лъелъе ччугІаги —
Чин диргун башадай швеларо дуй яс.

...Дагъистан урхъараб хъахІаб надалда,
Хъвалаго гІакълу ун гІодов речІІана;

ГІарабустаналда таватур бугеб
Гарбида къвал байдал дунял кІочана.

Эй кІалъалеб мехалъ мокърокъгин къеда,
Къалъуль бакъул гІадин, паркѝи букІана,
КІиябго кІветІалъан, жавгъаруль гІадин,
Жийго йихъулаан, нур хъвадулаан.

Гъелъул рагІабазул гъуинлъи лъайдал,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.